

Поскольку отмеченная неоднородность великопольского и малопольского наречий также могла объясняться сближением части их говоров на смежных территориях, а упомянутое центральнопольское наречие лежит именно между теми великопольскими и малопольскими говорами, в которых усматривают основу литературного языка¹, представляется возможным объединить эти диалектно сближенные районы в единую языковую область и именно в ней видеть территорию смешанного диалекта, основы польского литературного языка. Видимо, именно здесь, в тех частях Великопольши и Малополюши, между которыми издавна установились многообразные тесные экономические, политические и культурные связи, сложилась та новая, общая для них диалектная с и с т е м а, которая естественно должна была включать элементы как того, так и другого наречия и ввиду главенствующей роли этих районов (Гнезно, Познань, Краков) стать основой польского литературного языка.

При принятии подобного допущения задача дальнейшего исследования вопроса в значительной степени заключалась бы в определении границ и времени возникновения названной территории, а также особенностей ее формирования, что возможно лишь при условии максимально точной локализации (и хронологии) особенностей литературного языка. Вопрос о том, какое из двух наречий легло в основу говоров указанной территории, должен в таком случае приобрести лишь второстепенное значение как не имеющий непосредственной связи с вопросом о диалектной основе польского литературного языка.

Ю. Б. Ткаченко

Herbert Bräuer. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Tl. I. Die Final- und abhängigen Heischesätze («Veröff. der Abt. für slav. Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slav. Seminar an der Freien Univ. Berlin», Bd. 11). — Wiesbaden, 1957. 262 стр.

Опубликованная часть работы Г. Брейера «Исследования в области конъюнктива в старославянском и древнерусском языках» посвящена весьма мало изученному вопросу о способах выражения модальных отношений желательности в придаточных предложениях. Автор рассматривает употребление глагольных форм в составе придаточных предложений цели и в так называемых зависимых предложениях требования (Heischesätze), т. е. в таких дополнительных предложениях, которые зависят от глаголов требования, желания, просьбы, приказа. При этом в исследовании выделяются случаи использования изъявительного и сослагательного наклонений, глаголов совершенного и несовершенного видов, определяются вводящие придаточные предложения союзы и их взаимоотношения с теми или иными формами глагола. Попутно автор останавливается и на синонимических в отношении придаточных предложений цели и требования инфинитивных конструкциях.

В первой части работы (§§ 3—33) Г. Брейер анализирует старославянский материал. Особое внимание уделяется данным евангельских текстов (в основе — Маринский кодекс; учитываются различия и других рукописей) и Супрасльской рукописи, из которых автор приводит исчерпывающее количество примеров на употребление тех или иных конструкций. Автор приходит к следующим выводам:

1. В придаточных предложениях цели и требования старославянским глаголом совершенного вида обычно передается греческий конъюнктив аориста, глаголом несовершенного вида — греческий конъюнктив настоящего времени. Однако встречаются и отклонения. Автор предполагает, что в случае использования настоящего времени бесприставочных глаголов несовершенного вида (видѣти, ити, ести и т. п.) в соответствии с греческим конъюнктивом аориста формами настоящего времени выражается значение будущего времени, так как действие придаточного цели и требования с точки зрения субъекта главного предложения всегда относится к будущему.

2. В качестве союза, вводящего придаточные предложения цели и требования, выступает обычно союз *да*. Придаточными предложениями с этим союзом переводятся не только греческие предложения с *ἵνα*, но и греческие инфинитивные конструкции.

3. Формы условного наклонения в придаточных предложениях цели и требования встречаются весьма редко (в евангельских текстах 1 : 16 случаев). Автор, полемизируя с Ст. Слоньским и А. Мейе, вполне обоснованно утверждает, что употребление форм условного наклонения в подобных случаях приводит к усилению оттенка желательности

¹ Ср. стр. 175 рецензируемой книги, где С. Ростопд определяет область зародышевого польского *końcu* как «центральный диалект (Великополье). — О. Т.) с прилегающими с востока и юга (т. е. со стороны Малополюши. — О. Т.) территориями», и стр. 44, где В. Ташицкий основой польского литературного языка считает центрально-малопольский диалект, граничащий с юга с центральным диалектом в понимании Т. Лера-Славинского.

действия или же вносит особый оттенок вирреальности, например, в случае Лк. 15, 29: и мѣстѣхъ инокѣже не дѣлаѣ еси козляте, да съя дрѹгѹи мѣстѣхъ вѣзвѣстѣахъ съ вѣщѣхъ (стр. 56).

Приводимый Г. Брейером фактический материал из памятников старославянского языка определен в общем вполне правильно. Укажем все же некоторые неточности. На стр. 44: *сѹжѣ бо ти еста, да погыбаетъ едина оудѣ твѣхѹхъ...* — едва ли следует видеть здесь целевое значение. На стр. 22: *и надѣ вкѣстѣи силѣи мѣждѹ нами и вами пропаде вѣдѣкѣ сѹтврѣдѣи сѹ, чѣко да чѣсташти мѣнати отъ сѣдѹкѹ къ вѣстѣи не вѣзвѣстѣахъ ни видѣ отъ тѣдѣхъ къ намѣхъ прѣходата* — очевидно, придаточное предложение следствия, но не цели.

В §§ 34—77 автор рассматривает древнерусский языковой материал. Особенное внимание уделяется языку летописей (§§ 34—65). Уже в «Повести временных лет» Г. Брейер обнаруживает существенную особенность в использовании глагольных форм: в отличие от старославянского языка, в предложениях требования, зависящих от глаголов просьбы, нормальным является использование форм условного наклонения. В дальнейшем формы условного наклонения распространяются и в придаточных предложениях цели; они господствуют, в частности, в языке 2-й Софийской летописи (13 случаев при 7 случаях с изъявительным наклонением).

Типы придаточных предложений цели и требования в древнерусском языке вообще находятся в зависимости от происхождения памятника и ст. удельного веса церковнославянской языковой стихии. В составе Успенского сборника XII в. придаточные предложения с формами условного наклонения встречается, например, главным образом в оригинальных древнерусских произведениях — в «Сказании о Борисе и Глебѣ» и «Житии Феодосия Печерского». Разнотипность придаточных предложений имеет место еще в литературном языке XVII в.: формы изъявительного наклонения характеризуют язык Авраамия Палицына, в то время как у Григория Котлихина в придаточных предложениях цели и требования встречается лишь условное наклонение.

Приводимый Г. Брейером фактический материал позволяет предположить, что в живом русском языке формы изъявительного наклонения в рассматриваемых придаточных предложениях не были употребительны уже около XVI в.

Автор прослеживает также развитие новых целевых союзов, в том числе и особенно характерного для русского языка союза *чтобы*. Уделяется внимание также использованию инфинитива с новыми целевыми союзами в соответствии с целевыми придаточными предложениями. К сожалению, Г. Брейер совершенно не касается вопроса об односубъектных и разносубъектных сложных предложениях с придаточными цели, хотя этот момент сыграл весьма существенную роль в развитии соответствующих конструкций в русском языке¹.

Вторая часть работы Г. Брейера в общем содержит весьма ценный материал по историческому синтаксису русского языка. Возможно, что несколько более целесообразным было бы положить в основу классификации хронологический момент, не выделяя в особый раздел материал летописей, весьма разновременный по происхождению (XIII—XVII вв.). Укажем также, что из поля зрения автора совершенно выпадает бессознательное подчинение целевых предложений в древнерусском языке типа *...такому человеку бысаетъ наказание кнутомъ, и отдадутъ тому господину назабѣ съ слуги: не бей челоуъ и не затѣвай на господина своего ложно*², — с использованием форм повелительного наклонения.

В заключение автор делает общий вывод о том, что в русском языке, благодаря использованию форм условного наклонения в придаточных цели и требования, образуется как бы «новый конъюнктив», — в отличие от южнославянских языков, где по-прежнему используется изъявительное наклонение (исключительно настоящее время). В этом отношении русский язык сближается с западнославянскими языками, в которых формы условного наклонения также весьма рано проникли в придаточные предложения рассматриваемого типа. Причину этого изменения Г. Брейер видит в разных путях, по которым пошло развитие видовой системы у южных славян и в древнерусском языке. В русском языке перфективное настоящее время полностью развило значение будущего времени; это способствовало проникновению форм условного наклонения в придаточные предложения. Формы перфективного настоящего времени в южнославянских языках не имеют самостоятельного значения будущего времени, для его выражения используются описательные формы; поэтому перфективное настоящее, получив «безвременное» значение, продолжает употребляться в зависимых предложениях.

В целом работа Г. Брейера, содержащая богатый фактический материал и хорошо обоснованные выводы, представляет собой заметный вклад в изучение славянского исторического синтаксиса.

А. В. Пrawdин

¹ Ср.: Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, [М.], 1956, стр. 527 и сл.

² Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 120.